

ВОЛШЕБНАЯ ГОРА

XI

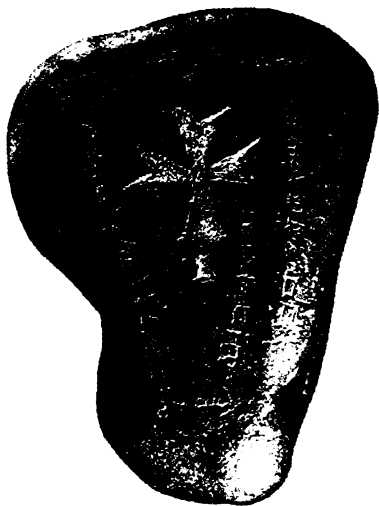
ТРАДИЦИЯ
РЕЛИГИЯ
КУЛЬТУРА

**Волшебная Гора
Москва, 2005**

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК

Николай Селезнёв

УЙГУРЫ-ХРИСТИАНЕ И ИХ РЕЛИГИОЗНО- ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Как известно, уйгуры как племенной союз все-рьёз заявили о себе на сцене истории в 744 году, после распада второго Восточно-тюркского каганата, когда они образовали на его территории сильную кочевую державу с центром в Монголии. Её образование происходило на фоне завершения завоевания арабами Ирана и Средней Азии и переселения значительной части согдийцев в Восточный Туркестан. Уйгуры включили в свои

владения районы Центральной Азии, населённые различными по языку и культуре народами, подвергшись одновременно воздействию буддизма, манихейства и христианства.

Манихейство было принесено уйгурам благодаря войне с мятежниками, во главе с выходцами из тюрко-согдийского рода, которую вела в Китае танская империя. Уйгурская конница дважды (757 и 762-3 гг.) вмешивалась в ход событий по призыву танского двора. Уйгуры сыграли решающую роль в разгроме мятежных армий. Вместе с военной добычей и императорскими дарами уйгурский Бёгю-каган доставил в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне. Манихейская литература сохранила память о Бёгю-кагане как учредителе уйгурской манихейской общины. В 764 году манихейство было провозглашено государственной религией каганата, но уже в конце того же века каганат пережил крупный антиманихейский переворот: погиб Бёгю-каган, его сыновья, ближайшие советники и множество согдийцев, в первую очередь манихейские вероучители, окружавшие кагана. Попытки восстановления манихейства нельзя признать увенчавшимися успехом, так как в 840 году уйгурский каганат, раздираемый внутренними распрями, распался под ударами енисейских кыргызов. Манихейство, утратив привилегированное положение, стало вытесняться христианством и буддизмом.

Уйгуры были вынуждены покинуть обжитые кочевья на берегах рек Толы и Селенги, названия которых уже стали их символами (toquz toghla sekiz selenge),

и расселились по просторам Азии, осев частично в районе современной китайской провинции Ганьсу и в основном в Турфанском оазисе, образовав княжество со столицей в Бешбалыке, ставшее впоследствии известным под именем государства Кочо. Там, в районах Турфана, Карашара и Кочо (топоним 'Кочо' известен и как название города, и как название всей области), они смешались с коренным населением, уже отчасти христианским, и имя уйгуров распространилось на всех жителей этих регионов. Известно, что в VIII–IX веках в Кочо функционировал храм Церкви Востока, соседствовавший с комплексом буддийских святилищ. Христианские росписи там были обнаружены в 1905 г. экспедицией Альберта фон Лекока. Роль, которую сыграло Кочо в истории культуры Центральной Азии весьма значительна. Кочо занимало ключевые позиции на путях, соединяющих Восток и Запад, и через него, как через ворота Центральной Азии проходили караваны, в которых наряду с купцами путешествовали проповедники различных учений и посольские миссии. Уйгуры, уже обладавшие письменностью, невольно становились толковниками, обеспечивавшими взаимодействие культур Ближнего Востока, Индии и Китая. Само слово «уйгур» даже стало использоваться для обозначения «образованного, культурного человека». Они продолжали вмешиваться во внутренние столкновения в слабой китайской империи, обосновались в её столице Чанъане, и держали под своим контролем торговый путь, ведущий из Китая в Среднюю Азию.

В X веке, вместе с другими народами Восточного Туркестана — тюркоязычными онгутами, меркитами, чиглиями — многие уйгуры становятся христианами. В середине X века о христианах, живших в окрестностях Аксу и Кочо, упоминает арабский поэт, учёный и путешественник Абу Дулаф. В 1209 году Кочо подчинилось Чингис-хану, став его вассалом и союзником (в частности против хорезм-шаха). В 1275 г. уйгурское государство стало частью Чагатайского улуса. Из сообщения хорасанца Ауфи (1220-е гг.) и заметок Джованни дель Плано Карпини видно, что страна уйгуров воспринималась как страна христиан. «Эти люди, — говорит Карпини об уйгурах, — христиане из секты несториан». Он упоминает также трёх высокопоставленных чиновников-уйгуров, встретившихся ему при дворе монголов — Чингая, Кадака и Бала, которых называет протонотариями, ханскими секретарями. Монголы называли уйгуров *тарса*, что также значило «христиане» — от персидского *тарса*. Примечателен момент, содержащийся в заметках де Рубрика: Койяк, рассказывает он, секретарь Сартака (сына Батыя), сказал ему: «Не говорите, что наш хан — христианин, он не христианин, а монгол». Следовало, конечно, понимать здесь слово *тарса*, как «уйгур». О вероисповедании же Сартака известно, что он, как и Койяк был христианином Церкви Востока.

Своей письменности до XIII века у монголов не было. Она была воспринята от уйгуров через найманов, самое культурное из монгольских племен, которые первыми усвоили уйгурское письмо. Среди найманов через уйгуров распространились также буддизм и христианство, которое приняла и элита монгольскоязычного племени кераитов, находившихся с уйгурами в культурных

отношениях в течение длительного времени. В 1266 году английский учёный францисканец Роджер Бэкон, основываясь на отчётах собратьев-путешественников в Азию, писал, что уйгуры «являются отличнейшими писцами. Вот почему татары заимствовали их буквы, и являются они великими писцами татарскими. И пишут они сверху вниз и множат строки слева направо и [так] читают». Аналогичное указание содержится и в сирийской летописи Григория Абу-ль-Фараджа. Сами же уйгуры создали свою письменность ещё в VIII веке. По мнению ряда исследователей, в частности, Р. Готьё, В.В. Бартольда и В.В. Радлова, уйгурский алфавит является ответвлением согдийского вертикального письма, произошедшего, в свою очередь, от сирийского.

Как и восточно-сирийские христиане, от которых они восприняли христианство и вместе с ним письменную культуру, уйгуры распространили своё влияние на обширных участках Великого шёлкового пути. О проникновении на восток уйгурского христианства свидетельствуют среди прочего обнаруженные в 1941 и 1983/4 гг. в 350 км. к северо-востоку от Пекина и в юго-восточной провинции Китая Фу-цзянь христианские надгробья, датирующиеся 1253 и 1331 гг. РХ с надписями на сирийском и уйгурском языках. Ещё одно свидетельство: во время монгольского владычества, в 1280 г., было организовано (не имевшее успеха) посольство в Японию — некий секретарь, уйгур-христианин, фигурировавший среди делегатов, был обезглавлен. Гробницы его самого и его спутников известны.

Выдающимся сирийским памятником, засвидетельствовавшим заметную роль уйгур-христиан в монгольской империи является «История Мар Йавалаха III и раббан Бар Савмы», охватывающая период с 1245 по 1317 г. и повествующая о жизни двух уйгуров-христиан, монахов Церкви Востока, которым было суждено сыграть в истории этой Церкви важную роль. Бар Савма родился в Ханбалыке, столице Хубилай-хана (совр. Пекин), в семье клирика Церкви Востока. Овладев церковными науками, он принял постриг и стал отшельником. Через несколько лет к нему присоединился молодой подвижник Маркос. Около 1278 г. они решают предпринять паломничество во Иерусалим, по пути в который приходят в Иранский Азербайджан, где встретили католикоса Церкви Востока и, получив от него провожатого, обходят монастыри Междуречья. Дальше древней столицы Армении Ани им продвинуться не удалось и они вернулись к католикосу. Тот пожелал поставить Маркоса митрополитом Северного Китая и Бар Савму — своим представителем в областях Востока, что и было совершено. Вскоре после этого католикос умер, и его место было предложено занять новопоставленному митрополиту, получившему имя Мар Йавалаха III. Такое избрание, говорится в «Истории», было мотивировано тем, что монголы «держали кормило правления всего мира», и Мар Йавалаха владел «обхождением с ними и их языком».

На Бар-Савму же была возложена посольская миссия: снабжённый ярлыками ханом Аргуном как его представитель, в 1287–1288 гг. он был отправлен в «земли ромеев», к тогдашним властелинам Европы — Филиппу IV Красивому, Эдуарду I, папе Николаю IV — с поручением договориться о но-

вом крестовом походе с целью взятия Палестины и Сирии. Попытки создания антимусульманской коалиции со стороны европейского «христианского мира» и монголов, сочувствие которых восточным христианам известно, угроза «жёлтого крестового похода» не могли не вызывать реакции со стороны мусульман. После смерти хана Абагана право Аргуна на ильханский престол оспорил брат Абагана Тегудер, принявший ислам с именем Ахмед и воцарившийся в 1281 г. Уже тогда христиане пережили вспышку притеснений как сторонники Аргуна. Теперь же, спустя десять лет, когда умер Аргун, разгорелась междоусобица, были убиты ханы Гейхату и Байду. Эмир Навруз, известный по летописям Рашида ад-Дина, был особенно враждебен: Мар Йавалаху избивали, вымогали у него церковные деньги, патриарший дом был разграблен, многие церкви были разрушены или превращены в мечети. В 1295 г. воцарился сын Аргуна Газан, бывший правителем Хорасана, но его стремление смягчить ситуацию было тщетным. В 1297 г. против него самого был поднят мятеж, церкви и патриарший дом снова разграблены. В Арбеле, где находился монгольский гарнизон, а ремесла и торговля находились в руках сирийцев-христиан, агрессия мусульман была особенно сильна. Принявший ислам Газан-хан стал фигурой, символизирующей возвращение мусульманства к власти в Иранском ханстве. В 1310 г., при наследнике Газана, Олджейту, Арбела подверглась совершенному разорению мусульманами. Мар Йавалаха тогда едва избежал смерти. Церковь Востока, принявшая покровительство монголов, известных своей ненавистью к мусульманам, теперь сама стала объектом ненависти. «И исполнилось пророчество пророка сирийцев [т.е. Мар Апрема — Ефрема Сирина]: — говорит автор «Истории», — «Так как мы пренебрегли путем и дали место великой зависти, сделал нас [Господь] предметом зависти твари, чтобы нам испытать от их насмешек. Уничтожили нечестивые наши церкви, в которых мы не молились усердно, осквернили алтарь, перед которым мы не служили должным образом».

Аналогичным образом развивался ход событий в Золотой Орде. В 50-х годах XIII века мусульманином становится царевич Берке (1257–66), и, как говорит Мухаммад аз-Захаби (1273/4–1348/9) в своей «Летописи ислама», «вместе с ним приняли ислам многие из его эмиров». Политика Берке приводит к тому, что многие ключевые позиции в Орде занимают образованные хорезмийцы, болгары, персы, арабы, оттесняющие уйгур-интеллектуалов.

Окончательное утверждение ислама в Золотой Орде происходит, как и среди иль-ханов, в начале XIV века, когда его принимает, занявший ханский престол в 1312 году Узбек. На ярлыках с его приходом к власти появляется традиционная мусульманская формула «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», арабский алфавит вытесняет уйгурский. Узбек не просто принял ислам, но стал его насаждать. Не пожелавшие перейти в «веру арабов», включая высокопоставленных чиновников, нойнов предавались казни. «Тот, кто хотел сохранить свободу совести, — пишет Л.Н. Гумилев, — должен был бежать. <...> Единственным местом, где татары — противники ислама могли найти приют и дружелюбие, были русские княжества» Воины, подавшиеся «к

единоверцам на Русь, <...> вошли в состав московских ратей, громивших Мамай на Куликовом поле и остановивших затем натиск Литвы», а «протонотари» становились княжескими дьяками. Воспринимались они как крещёные татары, каковых тогда было множество и от которых пошли многочисленные тюрко-русские фамилии: Чаадаев, Булгаков, Аксаков... Их потомки оставили нам на память уйгурские надписи в русских грамотах. Так, рассеявшись по Руси, влившись в Русскую Церковь, затерялись в дальнейших исторических судьбах уйгуры-христиане.

Уйгурский фрагмент «О поклонении волхвов»

Данный фрагмент чрезвычайно ценен и интересен не только как памятник христианской культуры Центральной Азии, но и как свидетельство о вероучении Церкви Востока, воспринятом одним из тюркских народов.

Он был найден в селении Булайик (Буларык) и издан в 1908 году Фридрихом В.К. Мюллером¹. В 1951 году С.Е. Малов включил этот текст с приложением русского перевода в хрестоматию древних тюркских текстов².

Фрагмент представляет собой пересказ повествования о посещении волхвами (магами) с Востока Младенца Христа, заимствованный, судя по характеру повествования, из апокрифического Евангелия от Иакова и дополненный сложившейся уже в Туркестане легендой.

« Лишь только те волхвы (тоуоѝ) достигли Вифлеема (Bidilġ), звезда эта не двигалась и остановилась. Затем там они нашли Мессию–Бога (Msiġa T(ä)ŋri-ig). В то время они с благоговением, подойдя близко, вошли [в пещеру]. Они открыли свои вьюки и очень умоляли [принять] их дары, которые они принесли — три различные сокровища: золото, смирна и воскурения, а также кланялись и возносили Господу Богу Мессии (Ilik Qan Msiġa T(ä)ŋri-kä) хвалы и прославления. Те маги при входе [в пещеру] так задумали: Если Он — Сын Бога (T(ä)ŋri Oġly), то возьмёт смирну и воскурения. Если Он Царь (Ilik Qan), то возьмёт золото. Если же Он лекарь–врач (Otaġy ämċi), то возьмёт снадобья. С этими мыслями они представили на подносе [дары]. Сын Вечного Бога (Mäñü T(ä)ŋri Oġly), Господь Мессия (Ilik Qan Msiġa), познав сердечные мысли тех магов, сразу взял все три различных дара и так им сказал: « О маги, вы вошли с тремя различными мыслями. Я (же) и Сын Бога (T(ä)ŋri Oġly), Я и Царь (Ilik Qan), Я и Врач (Otaġy ämċi). Без сомнений вы идите »³.

¹ Müller, F. W. K., *Uigurica* (I). Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin, 1908, SS. 5–10.

² Малов, С. Е., *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. — М.-Л.: Изд-во АН СССР (Ин-т языкознания), 1951. — С. 131–138.

³ T(ä)ŋri — Небо, Божество, Бог; Ilik — Владыка, Господин; Ilik Qan Msiġa T(ä)ŋri — Владыка Хан Мессия Бог; Oġly — Сын Его; Mäñü — вечный.